

О чем думается в канун юбилея? - переспрашивает он. - Чтобы он скорее прошел. Про обычный день рождения вспоминаешь накануне, если вообще это делаешь; другие скорее всего напоят. А тут: кого пригласить, куда посадить. К тому же театр говорит: «Это не только твой праздник», а значит, придут еще и те, и те, и эти. Пресса опять же меня прессует уж который месяц - ежедневно! И спать ложусь не раньше двух, но не буду лукавить: какой же актер не мечтает о жизни такой?!

Помнится, как более 20 лет назад вся студенческая Москва лопилась на «Тилу». Постановка Марка Захарова, музыка Геннадия Гладкова и звездный состав на сцене: Инна Чурикова, Николай Караченцов... Правда, про звездность свою исполнитель Тилу вряд ли тогда догадывался - он просто играл, пел и плясал, да так, что его энергией заряжался весь зрительный зал. Ощущение восторга осталось до сих пор.

- Николай Петрович, а нельзя ли «Тилу» возродить? Ведь для молодежи это был бы просто подарок бесценный, это же классика, а она всегда современна.

- Знаете, после 15 лет игры я стал просить Марка Анатольевича заменить меня в Тиле. Перерос я своего персонажа по возрасту. Вот папаша Клаас, артист Юрий Колычев, меня спрашивает: «Кем ты будешь, Тиль?» На что я отвечал: «Живописцем, музыкантом - кем угодно, только не монахом», - и тут же мне хотелось добавить: «Поздно учиться, папаня». Но Захаров был неумолим: «Станешь старым, лысым, с палочкой, а играть будешь!» - смеялся он. Потом все же ввели на эту роль молодого артиста, но я считал, уж надо бы поменять всю команду, а то получается какое-то латание дыр. Но тут случился пожар, сгорел весь склад костюмов, и спектакль сняли. По сути же Захаров открыл тогда золотую жилу: спектаклей, подобных «Тилу», можно было ставить великое множество, но Марк Анатольевич не любит повторяться.

- А «Юнона» пережила «Тилу», хотя бы и с латанием дыр. Одних только Кончит было 4, а ваш граф Резанов - единственный и неповторимый.

- Просто так складывается, да и по роли графу все-таки 40 лет. Главное, чтобы я сам почувствовал первым: «Э, да из тебя уж песок сыплется, а все туда же!» Но пока все вроде бы нормально, сил хватает.

- Хватает ли терпения 24 года подряд произносить одни и те же слова?

- Это моя профессия, а в ней есть закон: каждый спектакль играть, как в последний раз, но в то же время, как в первый, чтобы нафталином не пахло. А образ, характер моего героя столь объемны, что всякий раз в нем можно открывать новые грани. Поэтому посмотрим, я ведь сам понимаю, что когда-нибудь придется найти в себе мужество с этой ролью расстаться. Были попытки - пробовались артисты, но Марка Анатольевича что-то не устраивало. А вообще, наверное, как-то по-особому светили на него звезды и Андрей Вознесенскому, и Алексею Рыбникову, и Марку Захарову, когда они создавали этот уникальный спектакль. Я не с самого начала в нем выхожу на сцену, но как только слышу эту музыку, меня уже тряска начинает.

- Когда работало лучше - тогда или сейчас, когда сняты все табу?

- Наш театр никогда не врал, а в те времена люди ходили в театр за правдой.

Другой вопрос, что искусство работает в некоторых случаях на грани фола. Одно дело - эзопов язык, другое - фига в кармане. Вроде все рядышком, а интонация другая. Но сегодня, когда обо всем можно говорить прямо и показывать с натуралистическими подробностями, нужно чувствовать ту грань, за которую настоящий художник не должен переступать. А сейчас это часто видишь, к сожалению.

- Возможно, здесь дело еще и в стремлении молодых к быстрому самоутверждению. А как? Путем эпатажа. Вон их сколько выпускают театральные вузы - до 500 ежегодно! И это при том, что конкурсы при поступлении дикие, зарплаты мизерные...

- Верно говорят, что актерская профессия - это диагноз. Я думаю, что человек, окончивший вуз, попавший в московский театр, - уже безусловно одаренный человек. Он выдержал конкурс при поступлении, его не отчислили потом за профнепригодность. Но в театре режиссер, допустим, не очень его «видит» - многое зависит от случая, удачи. Едет он в троллейбусе со своей зарплатой в три тысячи рублей, а там объявление, из которого следует: ученик водителя зарабатывает больше. И все равно он идет в театр, чтобы «получить по шее» от режиссера или от зрителей. У нас же вкусовая работа - кому-то нравится, кому-то нет. А может, он себя чувствовал неважно или с партнером по сцене не заладилась?

**Николай
КАРАЧЕНЦОВ:**

МОЯ ГРИМЕРКА - САМАЯ ДАЛЬНЯЯ ОТ СЦЕНЫ

У него одна-единственная профессия, один и тот же театр, одни и те же друзья, одна и та же жена, неизменное увлечение - теннис. Он не любит тусовок и сплетен, не имеет столь необходимой сегодня коммерческой жилки. Он много работает и многое делает не только для собственного благополучия.

27 октября народному артисту России Николаю Караченцову исполнилось 60.

ФОТО АЛЕКСАНДРА СТЕРНИНА

- Но не обидно ли при таких душевных, да и физических затратах, которые требует профессия актера, видеть, как сегодня многие делают деньги, играючи, скажем, перепродавая что-то?

- Я больше думаю о том, почему многие выдающиеся актеры в нашей стране всю жизнь работали за гроши: Смоктуновский, Леонов, Пельтцер и другие. Почему это стало уделом отечественной интеллигенции?

- Так, может, вам в Думу податься, чтобы эти проблемы решать?

- Свои воззрения я могу обнародовать через прессу, телевидение - что периодически и делаю. А в Думу... У нас и без того слишком много дилетантов везде и всюду, а поскольку я человек дотошный, начну вникать во все, читать эти документы, бумаги... Уж лучше я сыграю пару-тройку новых спектаклей, снимусь в новом фильме. Пользы от меня будет больше. Есть ведь масса профессий, близких специфике работы разных государственных органов. Не так ли?

- Ну хорошо, возьмем то, что ближе к вашей профессии - режиссуру. Вам никогда не хотелось поставить или снять что-то самому?

- Режиссер - профессия штучная. Он должен быть не только мастером в своем деле, но еще и папкой, мамкой и плеткой бить, и соплю вытирать. Он должен учить актеров самоиронии. Все это Марк Анатольевич умеет, потому и театр на плаву. Ну потрачу я год жизни, поставлю спектакль. Лучше, чем у Захарова, все равно не получится. Кино я могу снимать как среднестатистический режиссер. Как у Тарковского все равно не выйдет. Более того, я люблю свою профессию и хочу заниматься только ею.

- А почему вы не играете в антрепризе?

- К ней обращаюсь, на мой взгляд, в двух случаях: если нет возможности сыграть то, что хочется, или чтобы заработать денег. В своем театре творчески я полностью удовлетворен, а заработать можно и другими способами.

- Деньги для вас - важная составляющая жизни?

- Я должен заботиться о том, чтобы мои близкие были сыты, здоровы, благополучны. Кто-то сказал, что деньги - это отпечатанная свобода, и это верное определение. Вот я еду в автомобиле. Казалось бы, замкнутое пространство, но я свободен: никто меня не толкает, куда хочу, туда и еду. Эту

возможность мне дали деньги. Я много раз бывал за границей, еще тогда, когда туда вообще мало кто ездил. Но шопинг никогда не был моим делом. Я не капризен в одежде, но выглядеть должен всегда прилично. Мой стиль - спортивный, удобный для работы и жизни. Из-за границы привозил массу впечатлений, которыми не терпелось поделиться, а вот остаться и жить там не хотелось никогда. Я московский продукт, и хотя многих Москва раздражает суетой, непригодностью для нормальной жизни, мне все здесь по сердцу.

- Судя по всему, вы человек отчасти консервативный?

- Да, доля этого у меня, наверное, есть. Вот моя гримерка, где мы сидим, самая дальняя от сцены - неудобно. Сколько раз предлагали: переезжай поближе! Не могу - привык. Тут мои друзья - соседи опять же. То же самое с театром. По-моему, уход из театра равносильна эмиграции. Это удар, боль, и для такого решения должны быть очень веские причины. Ленком - самый модный, самый ажиотажный, но еще - самый лучший театр для меня. За 37 лет я ни разу ему не изменил. Сколько здесь было разных ролей сыграно!

- Вот вы верно сказали о театре - ажиотажный. Что делать с билетной мафией? Эта проблема вас не касается?

- Если билет у нас в театре самый дорогой стоит 500 рублей, а у входа перед спектаклем его можно продать за 80-100 долларов, я беру их в театре штук 20 и раздаю ребятам. Они их там по столыку гонят... (Смеется).

А вообще есть предварительная продажа раз в месяц, есть бесплатные входные билеты для молодежи, студентов... Не покупайте с рук, уж ежели на то пошло. Я далек от этой проблемы, и, наверное, выскажу крамольную мысль: люди, которые этим занимаются, судя по всему, любят и знают театр. Для них это не просто статья дохода. Так что все не так однозначно...

- Любый творческий коллектив - организм весьма непростой. Нередко это просто скопище человеческих пороков. А уж зависть!

- Для меня есть два понятия: честность и тщеславие. Если я буду стараться получить медаль покрупнее - нехорошо, а вот стремление сыграть получше - то что надо. А завидовать - это мелко, по-моему. Работая в театре, я стараюсь во всем находить профессиональную выгоду.

Помню, как настраивался на спектакль Иннокентий Михайлович Смоктуновский. У нас ведь вообще звездный театр: каждый партнер - подарок судьбы. Особенно для молодых: учитесь! В театре очень важна оценка вашей работы коллегами. Я, например, никогда не скажу: «Ты сегодня плохо играл». Скажу: «Нормально, но обрати внимание на это, а еще на то». Меня еще мама учила: «Прежде чем о чем-то заявлять, что-то оценивать, судить - всегда оговорись: «Я так считаю», «Мне так кажется». Чтобы мнение твое не выглядело истиной в последней инстанции.

- Вы обожаете свою профессию, свой театр, но все-таки это работа. Есть хобби - теннис, к которому у вас, по вашему собственному выражению, «нездоровая любовь».

- Нездоровая потому, что я его люблю, но не могу заниматься им регулярно. Любый человек с нормальным укладом жизни знает, что у него в такие-то дни, в такое-то время - теннис. У меня так не может быть - у меня поездки, съемки, спектакли... Совершенно ненормированная жизнь. Поэтому, когда удается, выхожу на корт, как в последний раз. Потом - чуть живой. Играю не так хорошо, как хотелось бы. Люблю значительно больше.

- Готовясь к встрече с вами, я вспомнила другую встречу - с Андреем Сергеевичем Кончаловским. Он сказал тогда удивительную вещь: «После 60 я стал бояться смерти и потому еще раз женился и родил новых детей».

- Что касается меня, то мысли о смерти посещали меня с детства. Не то чтобы: вот стукнуло 60 - и в дверь постучала она, костлявая. Я давно ее боюсь, но все чаще прислушиваюсь к высказываниям мудрых стариков, захожу в храм и вижу в церковных обрядах много смысла. Это я-то, продукт советской эпохи! Вот отпевание, например. Горько, грустно, тяжело, но понимаешь, ничто не вечно, и вместе с тем - вечно все, и жизнь бесконечна и прекрасна!

А жена у меня одна-единственная - актриса театра Ленком Людмила Поргина. Нередко приходилось ей поступаться своими творческими интересами ради семьи. Она прекрасная хозяйка и настоящая друг. Сын Андрей - юрист, окончил МГИМО. А вот кем станет мой двухлетний внук Петр - посмотрим. Жаль, времени нет видеться чаще, хотя и живем рядом, в центре Москвы.

- Так что к одной и той же проблеме вы с Андреем Кончаловским относитесь по-разному...

- Как видите.
- Вы как-то обмолвились, что у вас полностью отсутствует коммерческая жилка, но если бы кто-то вложил деньги под ваше имя и раскрутил хорошее дело, вы были бы не против.

- Хорошее дело, кстати, уже есть. Лет 8 назад ко мне подошел человек, каскадер - мы вместе снимались в «Человеке с бульвара Капуцинов»: «Я хочу создать лучшую в мире школу искусств. Больно, обидно смотреть на ваших актеров: дряблые, неспортивные, а этому надо бы сымальства учить». Раньше, во времена Неждановой, нашей профессии учили лет 8-9. Все они до конца жизни делали балетный станок, знали музыкальную грамоту и много чего еще. Так вот, эта школа в городе Красноармейске, под Москвой. Там раньше был военный полигон, где в годы войны испытывали катюши. Ее организатор Николай Александрович Остапов. Гениальный педагог, каскадер, мастер спорта по разным его видам. Школа получила статус государственного учебного заведения, а мне случилось ей помочь.

Возрадовались, хотели моим именем назвать. «Подождите, - говорю, - пока еще живой».

Но стипендии там есть, все как положено. Месяцев через 6-7 приглашаю приехать, посмотреть. Приезжаю. ДК имени Ленина. Более обшарпанного здания не бывает. Зрительный зал полный. Все сидят в пальто, потому что нетоплоно. Контингент - от шпаны до местной интеллигенции. Гаснет свет: отчетный концерт школы искусств. И вот под самым потолком появляются дети - ангелы божьи. От 6 до 13 лет. И начинают оттуда прыгать в оркестровую яму. Ну, мне стало плохо, уж не знаю, как родителям. И дальше на сцене началась «чума». Артисты, дети - все попеременно, сложнейшие трюки. От них электричество в зал так и летит. Вообще я не люблю детское творчество - спекуляцию на возрасте. Или когда родители ташут карапуза на табурет, и он там всякую дребедень несет. Ненавижу! Но как он их воспитывает, Николай Александрович Остапов! Фильм об этом есть. Я видел кадры, которые не вошли в эту ленту. Вот девочку лет шести он тащит в ледяной душ - где-то на сборах. Она вопит, как сто паровозов. Через день стоит эта же девочка под душем этим же. «Не уйду, не уйду!» Следит он и за внешним видом учеников: мальчики аккуратно подстрижены, девочки причесаны, «белый верх, черный низ».

Спектр школы очень широк - от хореографии до конного спорта. Вокал, каскадерские дисциплины, степ... Добились многого.

- В чем же ваша помощь заключается?
- Рассказываю. Артист Николай Караченцов дает бесплатный концерт, например, в Геленджике. За это 12 детей там живут, кормятся, имеют тренировочные и репетиционные базы. А в перспективе - сейчас отводится земля в Красноармейске под строительство целого комплекса, там смогут жить и учиться дети со всей России. Надо сделать так, чтобы наряду со средним образованием специальные дисциплины преподавали самые лучшие педагоги, а оборудование было новейшим, чтобы были балетные, репетиционные классы, корты, своя конюшня - все, что нужно. И если спустя годы оттуда выйдет хотя бы один толковый выпускник, я могу считать, что прожил жизнь не зря.

- Значит, это и есть то самое дело, о котором вы говорили?

- Да, только вот денег пока никто не вложил, для меня же все это никакой не бизнес - одни убытки. Но когда я туда приезжаю, и эти клопы, а там учатся дети с 6-7 лет, вешаются мне на шею, - большого счастья не придумаешь.

- Ваши коллеги Александр Збруев и Александр Абдулов оказались более практичными, чем вы, занявшись ресторанным бизнесом?

- Саша Збруев еще и в ГИТИСе преподает. Все успевает.

- Зато вы делаете благое дело! У нас ведь только говорят о бездуховности подрастающего поколения, но при этом покупают зарубежные футбольные команды или клубы или что-то там еще...

- Все вернется на круги своя. В этом я убежден. В одном из наших последних спектаклей, в «Шуте Балакиреве», главной героиней - человек из народа - обучается играть на английском рожке. В финале звучит прекрасная мелодия. Эту аллегорию придумал Марк Анатольевич. Россия действительно учится новому, делает первые шаги, и ее победы впереди.

Беседовала
Таясия ПОПОВА